

Император долгое время оставался во дворце Лули, а также ужинал с супругой Юнь.

После ужина супруга Юнь играла на гуцине, а император Цинъюань просматривал летописи, сидя рядом с ней, но не обращал особого внимания на документы. Он часто поднимал голову и смотрел на супругу Юнь с улыбкой в уголках рта.

«Мы (он использовал «zhèn», имперское «мы») помним, как ты играла на гуцине во дворе. Звук гуциня был таким приятным. Птицы не щебетали на деревьях, только слушали звук твоего гуциня» - сказал он. «Теперь гуцинь возлюбленной супруги становится всё лучше и лучше».

Супруга Юнь опустила голову и улыбнулась, но ничего не ответила. Под мягким светом её светлая шея выглядела очень красиво, так красиво, что невозможно было оторвать от неё глаз.

Император Цинъюань почувствовал себя немного взволнованным, отложил летопись, подошёл к ней, накрыл её руку своей и спросил: «Почему у тебя такие холодные руки?».

«Сегодня идёт снег» - улыбнулась супруга Юнь и обратилась к своей личной дворцовой служанке: «Цайян, походи в дом Девятого принца и скажи евнухам, чтобы они добавили больше угля, чтобы Девятый принц не простудился».

Император Цинъюань также добавил: «Сяо Цзю выздоравливает после тяжёлой болезни, вы все должны прислуживать ему с особой осторожностью. Я попрошу евнуха, ответственного за управление императорским хозяйством, прийти завтра и осмотреть его, а также добавить некоторые вещи».

Сказав это, он подозвал супругу Юнь и спросил низким голосом: «Как здоровье Сяо Цзю в последнее время?».

«Физически он почти уже полностью здоров, но...» - супруга Юнь вздохнула: «Теперь этой наложнице больше не о чем просить, хорошо, что Чжией в безопасности».

Император Цинъюань крепко обнял её, вздохнул и сказал: «Сяо Цзю - наш ребёнок, мы... всегда относились к нему по-другому. А теперь...».

Не успел он договорить, как евнух снаружи пронзительным голосом объявил: «Девятый принц просит аудиенции».

«Скажи ему, пусть войдёт» - быстро сказал император Цинъюань. «На улице холодно, не дай ему замёрзнуть».

Фу Чжией вошёл, и император Цинъюань велел ему сесть, как только он отдал честь.

«Ты выглядишь немного лучше» - посмотрел на него император Цинъюань. «Тебе всё ещё нужно восстанавливаться».

Фу Чжуй опустил голову и улыбнулся, затем сказал: «Это потому, что доктор Чэнь приложил много усилий за это время. Сегодня он договорился с кухней о приготовлении лечебной еды, которая намного лучше, чем лечебный суп».

«Он исправляет свои ошибки» - сказал император Цинъюань. «Он не обращал внимания раньше, поэтому позволил нашему сыну так много страдать».

«Доктор Чэнь не виноват...».

«Это был наш недосмотр» - император Цинъюань долго вздыхал и сжал руку супруги Юнь. «Расследование ещё ничего не обнаружило. Эти люди в Имперском Судебном Суде действительно становятся всё более и более бесполезными».

Услышав это, Фу Чжуй встал с кресла, опустился на колени перед императором Цинъюанем, посмотрел на него и сказал: «Я пришёл сегодня к отцу-императору, чтобы поговорить об этом деле. Расследование длится уже столько времени, а результатов нет. Напротив, из-за меня все во дворце в опасности. Сегодня брат наследного принца выкроил время из своего плотного графика, чтобы навестить меня, опасаясь, что я мог пострадать от каких-то обид. Это я виноват в том, что вёл себя недостойно, что создавал проблемы, которые беспокоили брата кронпринца, мать-супругу и даже отца-императора. Это я виноват в том, что так долго просидел в этом дворце. Поэтому я пришёл умолять отца-императора остановиться и оставить это дело в прошлом».

«Сяо Цзю, ты...» - император Цинъюань на некоторое время потерял дар речи, затем посмотрел на супругу Юнь и спросил. «Ты тоже так думаешь?».

Супруга Юнь молчала как раз нужное время, только опустила голову и пролила слёзы, зарывшись головой в грудь императора Цинъюаня.

Она действительно была похожа на добрую и печальную мать.

«Сяо Цзю, разве ты не хочешь узнать, кто пытался убить тебя?».

«Сначала хотел, но теперь я больше не закликаюсь на этом» - Фу Чжуй показал свою святую улыбку, то же выражение, которое он использовал для наследного принца, как будто копируя его. «Перед тем как покинуть храм Лунцюань, я пошёл к настоятелю и спросил, нет ли на мне греха, иначе почему я должен страдать от этого бедствия? Настоятель сказал, что всё начинается с судьбы, и ничто не зависит от случая. Страдания - это лишь мимолётная тень, и только отпустив их, можно обрести покой. После возвращения во дворец я почувствовал, что однажды прошёл через Врата Призраков, что мой разум изменился, а сердце открылось. Я благодарен отцу-императору за то, что он заботился о своём сыне и приказал людям строго

расследовать это дело. Но теперь я уже отпустил это, поэтому я смело прошу отца-императора также отпустить это».

Фу Чжияй говорил глупости с широко открытыми глазами, но император Цинъюань слушал его.

Фу Чжияй выбрал это время, чтобы сказать эти слова не потому, что сегодня приехал наследный принц, а потому что он чувствовал, что время пришло, и ему нужно найти способ, чтобы император Цинъюань изящно отступил от этого дела.

Императорский суд получил императорский приказ и долгое время вёл энергичные поиски, перевернув вверх дном императорский госпиталь, а также дворы некоторых наложниц. Люди во дворце были не только в ужасе, но и в обиде, однако никаких весомых доказательств не было, и осудить кого-либо было невозможно.

Фу Чжияй подсчитал, что если так пойдёт и дальше, то Императорскому Судебному Суду придётся найти случайного человека, который возьмёт на себя вину не только императора, но и всего дворца. Это было не то, что Фу Чжияй хотел видеть.

Теперь, когда прошло некоторое время, гнев императора Цинъюаня также прошёл. В глубине души он понимал, что улики уже тщательно убраны и нет смысла продолжать. Во дворце было не так много людей, которые могли бы сделать такое у него под носом. Гаремная часть, связанная с предыдущей династией, несомненно, была замешана, но хотя он и знал это умом, в его руках не было никаких доказательств, так что осудить этих людей не было никакой возможности.

Если бы был найден козел отпущения, император Цинъюань, вероятно, почувствовал бы беспокойство в своём сердце. Двор в этот период также был спокоен, а определённая часть гарема была послушной, так что, как ни крути, император Цинъюань не был лишён выгоды. Ему нужна была только хорошая причина, чтобы всё это прекратить, и Фу Чжияй как раз вовремя заговорил, чтобы дать императору повод, дать ему выход своему гневу и спасти лицо императора.

«Сяо Цзю, быстро вставай» - лицо императора Цинъюаня смягчилось, и он лично подошёл, чтобы помочь Фу Чжияю подняться. «Каждый раз дворец Лули лучше всех понимает моё сердце. Не волнуйся, я никогда не буду плохо относиться к вам, матери и сыну».

Фу Чжияй сделал вид, что не понял, что он имел в виду, но только опустил голову с благовоспитанной улыбкой.

На следующий день император издал указ, в котором говорилось, что у Девятого принца благосклонное сердце, а супруга Юнь щедра и обходительна, добра и добродетельна. На этом дело считалось законченным.

Однако, наряду с этим указом, было ещё два указа. В одном из них супруга Юнь была названа императорской благородной супругой, а в другом Фу Чжиюй был пожалован титул вана*. Он был награждён щедрым поместьем и именем «Чжао» (zhāo = светлый, ясный).

* - 王 (wáng) - дворянское звание для взрослых сыновей императора; обычно принцы получали титул вана по достижении определённого возраста.

«...это двойное счастье. Отныне вы будете Ван Чжао» - евнух, объявлявший указы, улыбался, как хризантема. «Просто резиденция Ван Чжао ещё не отремонтирована. Его величество специально распорядился, чтобы был выбран лучший дом в столице, достойный личности Ван Чжао. Однако в доме давно не жили, и мастерам придётся его отремонтировать. Прошу прощения за то, что попросил Ван Чжао пожить во дворце ещё некоторое время».

«Всё в порядке, мне также нравится жить с матушкой-супругой» - Фу Чжиюй улыбнулся и наградил старого евнуха золотом.

Старый евнух увёл людей. Фу Чжиюй посмотрел на два императорских указа и долгое время ничего не говорил.

У императора Цинъюаня было много потомков, но они никогда не получали титул вана. Даже третий принц, который с согласия императора уже вмешивался в некоторые политические дела и даже имел особняк за пределами страны, никогда не носил титул вана. Фу Чжиюй был первым.

Хотя теперь у вана не было вотчины, его статус сильно отличался от статуса простого принца.

Император Цинъюань, как и наследный принц, был очень подозрительным. В процессе обучения принцев, чтобы выбрать из них удовлетворительного преемника, он не осмеливался передавать им слишком много власти, опасаясь, что борьба между принцами будет слишком велика, и он не сможет контролировать её и в итоге навредит себе.

Он поддерживал хрупкое равновесие и не хотел его нарушать. Как и в прошлой жизни, когда Фу Чжиюй, полагаясь на действия Восьмого принца, расправился с двумя принцами семьи Сюэ, наследный принц был не единственным, кто помогал. Император также имел такое намерение. Семья Сюэ становилась всё более влиятельной как при дворе, так и в гареме. Император использовал свою власть, чтобы подавить её и вернуть баланс в нужное ему положение.

Поэтому, как бы императору Цинъюаню ни нравилась супруга Юнь, он не мог легко продвинуть её по службе. В своей прошлой жизни, когда Фу Чжиюй был временно побеждён наследным принцем, император Цинъюань нашёл причину, чтобы повысить супругу Юнь до императорской благородной супруги, а также использовал плохое самочувствие императрицы как предлог, чтобы позволить супруге Юнь взять на себя управление делами гарема. Но в то время он был менее искренним и более утилитарным.

Но теперь всё было иначе. Мозг Фу Чжиюя был повреждён. Верили в это другие или нет, но император верил.

Он потерял умного принца. Да, это было печально, но это не имело значения. Последнее, чего не хватало императору - это умного ребёнка. Во дворце было достаточно умных детей.

Император Цинъюань только что обнаружил нечто, что сделало его ещё счастливее. Наконец-то он мог бессовестно баловать свою любимую женщину во дворце, не опасаясь, что баланс нарушится.

Семья супруги Юнь не была знатной, её отец был всего лишь императорским посланником третьего ранга. Мозг Фу Чжиюя уже не был хорош, он был добр, но недостаточно умён.

Он был похож на тигрёнка, превратившегося в красивую кошку, у которой никогда не вырастут когти и зубы, чтобы причинить кому-то вред.

Фу Чжиюй не ожидал этого, когда только начал планировать, но теперь, когда это случилось, он прекрасно понимал, что вопрос о том, что его называли ваном, на самом деле не имеет большого отношения к тому, глуп он или нет. Даже если бы другие были в восемьсот раз глупее, они бы не получили такого обращения. Во всём дворце только его мать-супруга могла заставить императора Цинъюаня зайти так далеко.

<http://bllate.org/book/15738/1408830>